

Большой интерес представляет подробный анализ системы согласных. Очень удачно изложен вопрос о месте фонемы (j) в системе согласных фонем русского языка. К сожалению, не показано особое место, занимаемое фонемами [в] и [в'] в связи с тем, что перед ними сохраняется противопоставление по глухости — звонкости. Не безразличны для системы фонем и традиционные чередования; они тоже должны быть признаны фонетическими явлениями, так как не нарушают тождества морфем.

Интересны также параграфы, посвященные типам научно-лингвистической транскрипции. В свое время Щерба соответственно с его учением о фонеме ввел в обиход различение фонетической и фонематической транскрипции. Совершенно естественно, что вместе с понятием фонемного ряда Р. И. Аванесов предлагает различать еще один вид транскрипции, служащей для обозначения тех элементов «звучащей речи, которые в наибольшей степени самостоятельны» (стр. 217). Это предложение автора, а также и введение им терминов «фонетическая», «словофонематическая» и «морфофонематическая» транскрипции представляются мне принципиально важными и приемлемыми.

Заканчивая рецензию, следует отметить, что описания отысков фонем (в том числе и основных) слишком кратки и зачастую имеют умозрительный характер (ср., например, шесть разновидностей гласных фонем и др.) В уточнении нуждается также описание фонетической природы русского ударения, в котором совершенно неосновательно отодвигается на второй план количественный момент. Автор и сам чувствует необходимость «пополнить свое изложение данными экспериментальных исследований» (стр. 3). Будем же надеяться вместе с ним, что он в скором времени сможет дать более полное изложение предмета.

Л. Р. Зиндер

Орфографический словарь русского языка. 110 000 слов. Под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. — М., Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1956. 1261 стр. (Ин-т языкознания АН СССР).

Выход в свет «Орфографического словаря русского языка», подготовленного работниками Института языкознания Академии наук СССР, является естественным продолжением работы по унификации русского правописания, нашедшей свое выражение в «Правилах русской орфографии и пунктуации». Последние, регламентируя современное правописание, дают только общие положения и не могут, конечно, охватить все изолированные случаи спорного написания. Эту задачу призван выполнить орфографический словарь, опирающийся на свод унифицированных правил. Вместе с тем в задачи словаря входит не только охват единичных, некодифицированных случаев двойственного написания, но и включение, по возможности исчерпывающее, слов литературного языка, представляющих интерес в орфографическом отношении. При этих условиях словарь будет служить необходимым практическим руководством для каждого, кто имеет дело с письменным языком.

В какой мере рецензируемый словарь удовлетворяет этому требованию? Структура пособия, обилие представленных в нем слов, вспомогательная аппаратура, учет задач орфоэпии — все это свидетельствует о большой работе, выполненной его составителями. Не приходится сомневаться в том, что книга может служить справочником для лиц, сталкивающихся с вопросами русского правописания. Об установке на массового читателя говорит значительный тираж словаря (500 тыс. экземпляров).

В конце книги в качестве приложения даны «Правила русской орфографии». Огромное количество слов, включенных в словарь, обеспечивает возможность удовлетворить запросы различных категорий читателей. С должным основанием в словаре помечены производственные, словообразовательные и лексические варианты слов, связанные с различиями в написании, а также фразеологические обороты, в той или иной степени представляющие интерес с точки зрения орфографии. Включение в словарь сложносокращенных слов типа *райзо*, *районо* (правда, без определенной системы), равно как сложных существительных других типов и сложных прилагательных, поможет устранить наблюдающийся до сих пор разноречивый их написание.

Несомненную пользу принесут грамматические пометы и формы слов, приведенные в словаре. Указания на формы падежей (например, род. падежа мн. числа существительных с безгласным гласным типа *цапли* — *цапель*, *оглобли* — *оглобель*, также *ясли* — *яслей*, *будни* — *будней*), краткие формы прилагательных (*ответствен*, *свойствен*, *торжествен*) и др. будут способствовать закреплению в практике письменной и устной речи литературных вариантов. Хотя непосредственного отношения к орфографии это не имеет, но составители словаря поступили правильно, не отказавшись от представившейся попутно возможности содействовать нормализации литературного языка. В этом плане заслуживает также положительной оценки стремление частично разрешить орфоэпические задачи путем указания ударений в словах и формах слов: для массового читателя вопросы произношения представляют значительный интерес.

В целом книга производит впечатление лексикографического труда, в который вложена большая, кропотливая работа. В то же время возникает ряд вопросов, общих

и частных, а иногда и возражений, касающихся установок пособия, отбора слов. выбора отдельных написаний. Прежде всего вопрос о словнике. В предисловии указывается, что в словарь «включаются многие слова, хотя и не бытующие широко в общем литературном языке, но встречающиеся в художественной литературе прошлого или в специальной литературе и нуждающиеся в орфографической нормализации. а именно: научные и научно-технические термины, просторечные и диалектные (местные) слова, некоторые устарелые слова и т. п.» (стр. 4). Но что может служить критерием для отбора, например, терминов? Из многих сотен тысяч терминов, имеющих в области науки и техники составители словаря выбрали, очевидно, весьма незначительную часть, но принцип этого отбора неясен. Казалось бы, это должны быть слова, понятные по значению широкому кругу людей, но в то же время вызывающие затруднения с точки зрения правильного их написания. Однако даже беглый просмотр словаря показывает, что это не так. Например, на стр. 30 подряд идут слова исключительно специального и ограниченного обихода: *анетол*, *анзерин*, *анизогамия*, *анизокория*, *аниаол*, *анизотропия*, *анизотропность*, *анизотропный*. На той же странице: *анион*, *анионный*, *анкерит*, *анкилоз*, *анкилостом*, *анкилостомиды*, *анкилостомоз*, *ангелид*, *аннигиляция*, *аннона*, *аннуитет*, *анодонта*. Ни одного из этих слов нет в четырехтомном словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, в котором общепотребительные термины, как известно, представлены в большом количестве.

Нужны ли в словаре, рассчитанном на массового читателя, такие слова, как *ангоб*, *аррорут*, *артефакт*, *бигарадия*, *жалон*, *каллаит*, *каллэа*, *канцелинг*, *карбоксил*, *карболин*, *карболинеум*, *карильон*, *керамзит*, *кератоз*, *керсель*, *кермек*, *кермесс*, *кери*, *кикалу*, *кдлатр*, *колиматср*, *колимация*, *коффердам*, *малакология*, *нозематоз*, *нозография*, *нозология*, *ранатра*, *силъвин*, *силъвинит*, *аспарто* и многие другие, о существовании которых массовый читатель даже не подозревает и, как показывает практика использования словаря, готов видеть в них то техницизмы, то архаизмы, то диалектизмы, то просторечные слова (ср. *рым*, *нок* и др.)? Вряд ли найдется на тысячу человек один, который сталкивается с этими словами, но и в этом случае из полумиллиона читателей правописанием их может заинтересоваться человек пятьдесят. К тому же следует учесть, что чем специальное слово, тем больше оснований для того, чтобы искать его в соответствующих книгах и пособиях, к которым не может не обратиться заинтересованное лицо. Повторим, мы не против помещения в орфографическом словаре терминов, но с тщательным отбором, иначе понадобятся десятки томов словаря.

Только стремлением к «исчерпывающей» полноте можно объяснить включение в словарь вряд ли существующих в литературном языке искусственных слов, таких, как *пристранствовать*, *прищучиваться*, *укапываться*, *утрафлять*, *ухаливать*, *ухорачиваться*, *ушвырнутый*. См. также *загсироваться* (?).

Второй общий вопрос: нужно ли включать в словарь бесспорные в орфографическом отношении слова (*дом*, *мак*, *нос*, *пол*, *стол*, *стон*, *ум* и т. п.)? Чисто орфоэпические цели (в одних случаях при изменении формы ударение остается на основе, в других переходит на окончание) не являются убедительным основанием: одно дело — по п у т ы е орфоэпические задачи при основных орфографических, что можно считать положительной стороной словаря, а другое — вопросы ударения сами по себе. Позволительно усомниться в том, что хоть кто-нибудь откроет словарь для проверки написания слов *дом*, *пол*, *стол* и т. п.

Третий вопрос: нужно ли так широко представлять производные слова, написание которых определяется строгими правилами, например уменьшительные и увеличительные имена существительные? Такие слова, как *домик*, *носик*, *ротик*, *столтик* и т. п., могут вызвать сомнение в орфографическом отношении только у лиц, приступающих к изучению русского языка и не знакомых с элементарным правилом написания суффиксов *-ик* и *-ек*. Кстати, в самом словаре пропущены слова *ромбик*, *комодик* и некоторые другие, в частности интересное в нескольких отношениях сочетание *мальчик* с *пальчик*.

Интересны с точки зрения словообразования, но вряд ли нужны для орфографических целей такие широкие гнезда слов: *захват*, *захватанный*, *захватать*, *захватить*, *захватиться*, *захватка*, *захватический*, *захватный*, *захватчик*, *захватчица*, *захватывание*, *захватывать*, *захватываться*, *захватывающий*, *захваченный* (стр. 305). Или: *ухлёстанный*, *ухлестать*, *ухлестаться*, *ухлеститум*, *ухлестнуть*, *ухлестывать*, *ухлестываться* (стр. 1118).

Непонятен принцип отбора однокоренных слов: в ряде случаев слова даются с одной какой-нибудь приставкой, а с другими приставками не даются. Так, есть *вззуммерить*, но нет *наззуммерить*, *отззуммерить*, *проззуммерить* и т. п. Есть *перебодать*, *перебоданный*, но нет *пободать*, *пободанный* (при *забодать* нет *забоданный*). Есть *заволочь*, но нет *завсложить*; есть *заваруха* и *заворошка*, но нет *заварушка*.

Вызывает также сомнение необходимость включения в словарь всех наречий типа *по-албански*, *по-армянски*, *по-иракски*, *по-ирански*... Во-первых, исчерпать этот перечень весьма затруднительно: понадобятся и такие слова, как *по-ацтекски*, *по-инкски*, *по-ирокезски* и сотни других, учитывая количество названий племен и народов

в прошлом и настоящем (не удивительно, что в самом словаре нет наречий *по-абхазски*, *по-абхазски*, *по-кумыкски*, *по-минеральски*, *по-хевсурски* и др. при наличии в нем соответствующих существительных и прилагательных). Во-вторых, для этого случая имеется несложное правило, которое применяется автоматически. Отсюда, конечно, не следует, что при наличии правил вообще нет смысла включать в словарь подпадающие под эти правила слова (тогда в словаре отсутствовали бы, например, слова с проверяемыми безударными гласными). Речь идет об абсолютно однотипных образованиях, причем это относится не только к названиям народностей. Поэтому мы отнюдь не считаем упущением отсутствие в словаре наречий *по-офицерски* или *по-казачьи* при наличии *по-солдатски*. На наш взгляд, можно было бы ограничиться теми словами, написание которых вызывает сомнение не потому, что это наречия на *-ски* или *-ски* с приставкой *по-*, а потому, что неясно написание тех прилагательных, от которых образованы наречия (имеются в виду прилагательные на *-цкий*, *-цкий*, *-цкий*, *-цкий*, *-цкий*, *-цкий*). Помещение таких слов оправдывалось бы соображением экономии времени: моя но было бы не отсылать читателя к соответствующим прилагательным. В противном случае, если быть последовательным, то нужно давать не только *по-московски* (это слово в словаре есть), но и *по-ленинградски*, *по-киевски*; не только *по-варшавски*, но и *по-венски* и т. д. В словаре есть *по-волчий*, *по-медвежий*, но нет *по-заячий*, *по-лисий* и т. д.

Выше говорилось о словах, которые представляются лишними в орфографическом словаре. С другой стороны, хотелось бы видеть в нем такие слова, которые часто встречаются в обиходной речи, но написание которых может вызвать сомнение, так как не всегда их орфография легко поддается правилу. В словаре отсутствует, например, слово *научно-материалистический*, и читатель должен сам решить вопрос, писать ли это слово слитно (от *научный материализм* — подчинительное сочетание) или раздельно (по аналогии с другими сложными словами с первым компонентом *научно-*). Следовало бы включить такие сложные прилагательные, как *учебно-массовый*, *учебно-наглядный* (если трудно предусмотреть новые образования этого типа, то может быть, достаточно было бы дать сноску, что слова с элементом *учебно-* пишутся как правильно, через дефис).

Выше указывалось на загромождение словаря слишком специальными терминами. С другой стороны, в ряде случаев в нем отсутствуют термины более распространенные или аналогичные тем, которые в нем имеются. Так, есть *парноперистосложный*, *пальчаторассеченный*, но нет *многократноперистосложный*, *многократнопальчаторассеченный*. Или из области химических терминов: есть *хромоникель*, *гексахлоран*, *деуэромонокислый*, но нет *шавелевоуксусный*, *хлорвинил*, *хлорацетон* и т. д. Нет многих слов, часто встречающихся в печати: *цугцане*, *максун*, *рекетир*, *эсеговец*, *бриоллин*, *суньятсеновец*; также терминов типа *каркасно-панельный*, *молочно-вожковой* и т. п.

В словаре вполне уместны сочетания типа *классово чуждый*, *общественно полезный*, представляющие собой не сложные прилагательные, а сочетание наречия с прилагательным. Однако составители не использовали возможность шире и богаче представить эти случаи. Следовало бы дать больше слов и сочетаний с первым элементом *прямо*, *обратно*, *вертикально*, *горизонтально*, *продолжно*, *поперечно*, *быстро*, *медленно*, *плавно*, *мелко*, *тонко*, *чисто*, *круто*, *полого*, *сильно*, *слабо*, *жизненно* и др. Таким путем можно было бы практически систематизировать эти трудные орфографические случаи, сведя их к наиболее распространенным типам, поскольку нелегко дать исчерпывающий перечень подобных образований, зачастую носящих индивидуальный характер.

В словаре нет слов с первым элементом *лингво-*, нет сложных названий *фильтр-пресс*, *блок-схема*, *шприц-машина*, *кран-балка* и других подобных терминов. Отсутствие таких слов, как *поддеревни*, *поддесятка*, *полсекунды* и т. п., не вызывает возражений, поскольку невозможно дать полный список подобных слов. Больше того, возникает сомнение в целесообразности включения в словарь десятков слов типа *полштофа*, *полчиная*, *полдвенадцатого*, *полнеба* в связи с наличием определенного правила, унифицирующего подобное написание. И здесь можно было бы ограничиться ссылкой со ссылкой на правила, благо они приложены к словарю.

Написание в словаре, как указано в предисловии, дается в соответствии с «Правилами русской орфографии и пунктуации». В целом это так, однако в ряде случаев имеются отступления, а иногда противоречия в самом словаре. Приведем несколько примеров.

Согласно «Правилам» (§ 81, п. 1), сложные прилагательные, образованные от существительных, пишущихся через дефис, тоже пишутся через дефис (ср. *дизель-мотор* — *дизель-моторный*), однако в словаре дается слитное написание *яхтклубский*¹ (при *яхт-клуб*).

¹ Во 2-ом издании словаря исправлено: *яхт-клубский* (и *яхт-клубовец* вм. *яхтклубовец*). — Ред.

Неясно, почему слова *мясо-молочный*, *мясо-растительный* (отсутствует *мясо-ве-ленный*) пишутся через дефис, а одноклассные — слитно (*хлебобулочный*, *хлебобураж-ный*). Если для *хлебобуражный* производящая основа — *хлебобураж*, то ведь «хле-бобулки» нет. Значит, к *хлебо-буражный* нужно применить § 81, п. 2.

Или: *бортинженер*, *бортмеханик*, *борттрактор* (слитное написание) — *пресс-панель*, *пресс-бюро* и т. д. (дефисное написание). Больше оснований было поступить на-оборот, в соответствии с § 79, п. 1: первые слова состоят из двух самостоятельно употребляющихся существительных, чего нельзя сказать о словах с элементом *пресс-*. Или: *блокпост* (слитно) — *блок-механизм* и др. (через дефис).

Неясно, почему дано дефисное написание *индо-китайский*. Если имеется в виду значение двусторонних отношений (по типу *индо-африканский*, *индо-малайский*), то это нужно было оговорить, иначе нарушается правило § 80, п. 1.

Отсутствие твердого принципа в написании сложных слов сказывается и в дру-гих случаях. Так, при написании *удлинённо-яйцевидный* дается *обратнойяйцевидный* (также *обратносердцевидный*), хотя эти прилагательные по способу образования тождественны. Ср. также *народнохозяйственный*, но *народно-политический*; *крулошлифо-вальный*, *плоскошлифовальный*, но *бесцентрово-шлифовальный* (*овальношлифовальный* нет совсем); *воздушнодесантный*, но *парашютно-десантный* и др.

Непонятно, почему даны написания *водно-моторный* (мотор для работы в воде), *весенне-посевной* (ср. весенняя посевная кампания) и т. п. (см. § 80 «Правил»).

Непривычны и ничем не мотивируются дефисные написания терминов: *горизон-тально-высадочный*, *горизонтально-замкнутый*, *горизонтально-ковочный*, *горизонтально-расточный*, *горизонтально-сверлильный*, *горизонтально-фрезерный*. Или: *жилищно-бытовой*, *жилищно-строительный* и др. (стр. 260).

Нет слов *ви́ко-овсяный*, *ви́ко-горохово-овсяный* и многих подобных.

В предисловии указывается, что словарь «дает одно, признанное правильным, на-писание слова и не допускает собственно орфографических вариантов (стр. 4) (кстати сказать, приведенная в качестве иллюстрации пара *эксплуатация* — *эксплоатация* не совсем убедительна, так как здесь не столько варианты написания, сколько произ-ношения). Но ведь варианты *торцовый* — *торцевой*, *то́новый* (в музыке) — *тоновóй* (в полиграфии) не являются орфографическими, однако в словаре даются только первые слова каждой пары.

Не все ясно в написании иноязычных слов. Почему *надекатр* слитно, а *па-де-де*, *па-де-труа* через дефис? Почему из вариантов *эзоповский* — *эзоповский*, *кабала* — *каб-бала*, *вернисаж* — *вернисаж*, *фрикасе* — *фрикасе*, *ас* — *асс* предпочтен первый (попутно заметим, что объяснение написания *ас*, данное в заметке, опубликованной в первом вы-пуске сборника «Вопросы культуры речи», вызывает серьезные возражения)? Почему даны варианты *каприччио* — *каприччо* (с точки зрения произношения правильным яв-ляется только второй)? Если быть последовательным, то нужно было дать также *ар-педжио* — *арпеджо*, *сольтфеджио* — *сольтфеджо* и под. Нет слов *перлон*, *политес*, *про-дюсер* и многих других. Есть *персона грата*, но нет *персона пон грата*.

Непоследовательно, а подчас противоречиво разработано правописание слов с от-рицанием не. Есть *некошеный*, *несжатый*, но нет *непашаный*, *несезный*, *неубранный*, *неудобренный*; есть *неожженный*, но нет *неожженный*; нет *невысказанный*, *невыполненный*, *неисследованный*, *неистраченный*, *незарегистрированный*, *незасвидетельствованный*; нет *непростой*, *несоленный*, *нестарый*, *неяркий*; нет *недоглаженный*, *недомешенный*, *недо-паланный*, *недопечатанный* и некоторых других с приставкой *недо-*.

Интересная попытка найти решение вопроса о написании прилагательных на -мый не доведена до конца. Так, со звездочкой (указывающей, что слова могут писаться слитно, раздельно или через дефис) даются слова *неприменимый*, *неотделимый*, *неразложимый*, *неразрешимый*, *несоизмеримый* и т. п., но без звездочки (стало быть, пишутся всегда слитно) аналогичные слова *невыразимый*, *неразличимый*, *нерастворимый*, *несокрушимый*. Однако, если можно сказать: *ни к чему не применимый проект*, *ни с чем не соизмерима величина* и т. д., то почему нельзя сказать: *ни в какой кислоте не растворимый осадок*, *ничем не выражимая скорбь*, *никаким микроскопом не разли-чимые вирусы*, *ничем несокрушимая мощь*? А ведь при этих условиях не пишется раз-дельно (см. «Правила», § 89, п. 3, примечание). К слову сказать, *различимый*, *раствор-имый* и некоторые другие прилагательные того же типа приведены в словаре и без не.

Очень мало в словаре существительных типа *немарксист*: даны только те, которые приводятся в «Правилах» (§ 88 п. 2). Но ведь если есть *неспециалист*, *немарксист*, *нерусский*, то есть и *некоммунист*, *некомсомолец*, *нематериалист*, *нечлен союза*, *не-американец* и т. д. (ср.: *все китайцы и некитайцы*). Именно написание таких слов и вы-зывает затруднения.

Есть пропуски слов с одним и двумя н в прилагательных и причастиях. Так, дано *венчаный*, но отсутствует *венчаный* (ср.: *они венчаные супруги*); есть *дарённый*, *морённый*, но нет *дирённый*, *мбрённый*.

Не всегда последовательно приводятся формы, слов, а также сочетания, связанные

с ударением. Так, даются *слово а́а слово, рука о́б руку, но нет нога а́а ногу, зуб а́а зуб, око за око* и др. Приводится *инженер-механик* с указанием родительного падежа, но нет слов *инженер-электрик, инженер-технолог*, относительно которых возникает тот же вопрос о форме косвенных падежей. Кстати, нужны ли указания на форму родительного падежа при таких словах, как *вид, опыт, комната* и др., с устойчивым ударением на основе? И здесь, на наш взгляд, имеется резерв экономии места: можно было бы оговорить в указаниях «Как пользоваться словарем», что форма родительного падежа не указывается у подобных слов. Гораздо полезнее было бы зато при таких словах, как *ампер, гектар, грамм, килограмм* и т. п., указывать не форму родительного падежа единственного числа, а форму родительного падежа множественного числа.

Непоследовательно также даются объяснения слов. Так, при слове *рикседаг* дается пояснение «шведский парламент», но таких пояснений нет при словах *стортинг, фолькетинг, рейхсрат* и др.

Почему *габбро* мужского рода или *кольраби* женского, в отступление от существующего положения, в соответствии с которым заимствованные несклоняемые существительные, обозначающие неодушевленные предметы, относятся к среднему роду?

В заключение еще раз отметим несомненность положительных сторон словаря, но вместе с тем выразим пожелание, чтобы при переиздании ему была придана более отвечающая интересам массового читателя форма: устаревшие лишние специальные, областные, просторечные слова, сокращено не всегда нужное количество производных словообразований, сглажены противоречия между словарем и «Правилами русской орфографии», а также внутри самого словаря, добавлены слова, нужные в широком обиходе. В последнем случае речь идет не только о случайно пропущенных словах, но и о тех, которые составители сознательно не включили: мы имеем в виду перечень трудных для написания собственных имен лиц, который можно дать в качестве небольшого приложения. Целесообразность такого списка вряд ли приходится доказывать.

К. И. Былинский и Д. Э. Розенталь

František Trávníček. Historická mluvnice česká. III. Skladba.—Praha, SPN, 1956. 199 стр.

После того, как в 1929 г. Ф. Травничек опубликовал четвертый том «Исторической грамматики чешского языка» Я. Гебауэра (ум. в 1907 г.), посвященный историческому синтаксису, в чешском языковедании больше не появлялось обобщающих работ аналогичного содержания. Между тем проведенные за последние 50 лет чешскими лингвистами специальные исследования внесли ряд существенных поправок и дополнений в достигнутое Гебауэром понимание исторического развития синтаксического строя чешского языка. В этом отношении особенно видную роль сыграли работы И. Зубатого и ряда других чешских языковедов — И. Страки, В. Вондрака, Э. Сметанки, В. Эртля, Ф. Травничка и др., сделавшие необходимым создание новой итоговой работы по историческому синтаксису чешского языка.

Этой необходимости в значительной степени удовлетворяет новая книга акад. Ф. Травничка «Синтаксис», опубликованная в виде третьей части «Чешской исторической грамматики» и утверждаемая в качестве учебника для чехословацких вузов. Однако своему педагогическому назначению данная книга соответствует лишь частично — главным образом ясностью и наглядностью изложения. Что же касается содержания книги, то здесь имеются значительные отклонения от обычного типа курсов, так как, по словам самого автора, в ней даны «о древнечешском синтаксисе и его историческом развитии не всесторонние и полные, а только лишь дифференциальные сведения». Ф. Травничек останавливается на тех явлениях, «которыми древнечешский язык существенно отличался от новочешского», и проходит мимо «явлений, общих для древнего и нового языка, а также явлений, заметно не изменившихся в своем историческом развитии» (стр. 6). Если говорить об общих принципах, то так именно и строятся разделы исторического синтаксиса в подавляющем большинстве курсов исторической грамматики. Но дифференциальное рассмотрение исторических явлений синтаксиса в книге Ф. Травничка оказывается более резко выраженным, чем можно было ожидать, судя по образцам других курсов. Так, например, история употребления падежей и предлогов, занимающая в «Синтаксисе» Я. Гебауэра 220 страниц (т. е. около 30% общего содержания тома)¹, в работе Ф. Травничка затрагивается лишь косвенно, далеко не полно и только в разделах о полупредикативном и предикативном употреблении имен (стр. 123—146). Это свидетельствует о том, что мы имеем дело в данном случае не столько с учебником или курсом, сколько с очерками по историческому синтаксису чешского языка, отличающимися в большей степени научно-исследовательским, чем педагогическим характером.

¹ См. J. Gebauer, Historická mluvnice jazyka českého, díl IV — Skladba, Praha, 1929, стр. 293—514.